

Я знал одного человека, а их оказалось четыре

Так сказал о себе в одной из собственных баллад Евгений БАЧУРИН

Он художник, поэт, композитор. Его, например, «Дерева» пели не так уж давно почти в каждой компании...

— Евгений Владимирович, только что в ЦДХ прошла ваша выставка. На ее открытии говорилось о созданном вами особом мире — неустроенном и одновременно умиротворенном. Но это относится и к вашей музыке, стихам. Сами для себя вы кто в первую очередь?

— Это ирония судьбы, когда человек связан сразу с несколькими музами. И кончается это всегда плохо, как для того, кто связан сразу с несколькими дамами. Они ведь дамы-музы. И все очень капризные.

Изначально я — художник. Из города Сочи, где прошло мое солнечное послевоенное детство, я приехал искать счастья в Москву, как и все провинциалы, летящие в столицу, как мотыльки на луч прожектора. Закончил Политехнический институт, хотя был и трехлетний период учебы в Ленинградской академии художеств — в школе академической, страшно консервативной. Изгнан оттуда был за неважную дисциплину и формализм, с которым в середине 50-х активно боролся.

Надо сказать, что в 50-е ни одна компания не обходилась без гитары. Постепенно я освоил этот инструмент. А первые песни написал только в 67-м, одна из них шуточная — «Огюст, Орест и Оноре». Тут все и началось. Когда звук и слово слилось, я почувствовал себя поэтом. В той книге, которая, надеюсь, когда-нибудь выйдет, будет примерно половина стихов, не требующих музыки. Но все же мою поэзию сложно оторвать от музыки.

— Чем вы зарабатывали в то время?

— Оформлял «Неделю», «Юность», «Смену», иллюстрировал книги в художественных издательствах. С Юлианом Семеновым ездили на стройку-века Абакан — Тайшет, он писал книгу, я делал иллюстрации. С 70-го начал искать себя в графике. Выбрал литографию — у меня полу-

Сергей ХВОРОСТОВ

чались как бы мои будущие живописные картины, только не на холсте, а на бумаге (хотя эпизодически занимался и живописью). Когда началась перестройка, ломка всего и вся, графический комбинат изобразительных искусств стал пробуксовывать. Выяснилось, что живописью зарабатывать легче. И я со всеми своими темами просто перешел на холст.

— Как вы относитесь к тому, что вас называют бардом?

— Я не отрицаю того, что я бард, но только в том смысле, что это одна сторона моего существования. Та, где стихи под музыку, хотя они и переплетены с музыкой в единое целое. Исполнять их могу только я сам, это интонация автора. Барды и существуют прежде всего по причине интонации, которая нравится многим людям. Вторая же сторона — именно композиторская. Потому что я написал те песни, которые может петь всякий достаточно музыкальный человек. Исполнение, думается, моя наиболее слабая сторона. Я стал исполнителем вынужденно. Песни-то звучали только в профессиональном исполнении и профессиональных композиторов. А поскольку на это претендовать не мог, то и попал в барды.

— Для кого вы поете?
— Как правило, эти люди не любят попу, не любят шума городского, навязчивости. Мне кажется, что это круг по-настоящему достойных и тонких людей, которые наделены чувством меры, вкусом, историческим чутьем. Они болезненно относятся ко лжи и к невостребованной правде. Сами чего-то ищут и чем-то заряжены. Вот для них я и работаю. Происходит так не специально. Значит, я подобен им, а они мне.

— Среди них есть молодые?
— Есть, и не только слушатели. Вот сейчас мне Бог послал двух очень одаренных молодых людей — Ольгу Шевелеву и Петрана Лилука. Они профессиональные музыканты. Мы записываем совместный диск. Эти ребята годятся мне в дети, и больше всего меня удивляет и трогает, что они понимают, что поют. 19 февраля в ЦДЛ будет наше совместное выступление. Приглашаю.

— Как вы сейчас смотрите на всех нас — уже давнишних, которые у кого-то в мастерской, у кого-то на кухне (кухни — это ведь потому, что в комнате спали дети) слушали вас ли, Горюхиного, Окуджаву, радуясь своей дружбе и своей общности?

— Те встречи были сутью объединения людей, формой самозащиты от государственно-го пресса. «Завтра упадет завеса в храме, / Мы в кружок собьемся в стороне, / И земля качнется под ногами, / Может быть, из жалости ко мне». Это ведь Пастернак и о нас сказал, о целом поколении — полусостоявшемся или несостоявшемся. Шестидесятников заметили, о них многое сказали, а те, кто шел позже, превратились в линию прочерка... А там столько своеобразия, талантов, как, например, Леня Губанов, погибший, и сколько еще спившихся, кончивших самоубийством, уехавших.

Попробовал бы кто-нибудь тогда назвать другого «прагмати-

ком»! В той резервации, где мы жили, проявлялись другие, высшие человеческие свойства. Чем сильнее было давление, тем большим — сплочение. Мы несли ответственность друг за друга. В компании, конечно же, находилась стукач, он всегда присутствовал, но его не боялись. И, конечно, не терпели предательства, с предателем друга не общались. Вроде подвели итоги, цикл завершен. Но многие имена обязательно будут вырваны у прошлого, и окажется, что в нем существовало бесценное.

— Вас приглашают в нынешние элитные клубы. Как принимают песни?

— Пел недавно в «Гнезде глухаря», полный зал публики. За одним из столов шумели. Я попросил устроителя как-то вопрос решить. И подошел ко мне эдакий шкаф в классическом малиновом пиджаке (людей-шкафов сейчас много, они в моде): «Знаешь что, мы тут тоже не пацаны». Выразительный такой словарь. Да что говорить о клубах. Я ближе почти не вижу людей, которые читают. Только газеты, только телевизор и компьютеры. Я не хочу ругать нынешнее время, ведь так его ждали. Думали — будем говорить что хотим, ездить, покупать. И вот — говорим, ездим, покупаем...

— Вы считаете, что один в поле не воин?

— Один человек, даже обладающий глобальной властью, ничего не может изменить. Все учителя, пророки, являвшиеся на землю, кричали, вопили или говорили шелотом одно и то же: познать самих себя и приведите себя в порядок.

— У вас есть строчки об этом: Принцессы льком шиты, / Злодея не до них. / И коль искать защиты, / Так от себя самих...

— Я считаю, что эта самая правильная моя строчка, потому что если «в самом себе не до себя», как писал один поэт, тогда не о чем говорить...

Е. Бачурин. Заброшенная беседа